

Осуждающие взгляды медработников мгновенно упали на Е Вэньланя.

В отличие от доктора Мэна, они не знали, что сила Цзи Силу необычайно велика. Лишь глядя на слабое телосложение Цзи Силу и на предыдущее отношение Е Вэньланя, они не верили, что Цзи Силу оклеветал Е Вэньланя. К тому же, добавив слухи, ходившие по Третей больнице в последние дни, они ещё больше почувствовали, что Е Вэньлань сам ищет проблем.

— Интерн тоже должен соблюдать правила больницы, как можно так относиться к пациенту? Слишком чрезмерно!

— При выпуске и при поступлении на работу мы все под руководством врачей давали клятву. Е Вэньлань, ты забыл содержание клятвы? Тогда я перескажу тебе на слух! В «Женевской декларации» сказано: «Я не позволю, чтобы какие-либо религиозные, национальные, расовые, политические или соображения положения вмешивались между моим долгом и пациентом; я буду сохранять высшее уважение к человеческой жизни с момента её зачатия»!

— Разве ты не знаешь, что последствия у господина Цзи очень серьёзны? Заведующий Мэн наказывал лучше всего не давать его эмоциям слишком сильно волноваться, ты вообще ставишь ли пациента на сердце?!

Е Вэньлань, который занимался самокритикой, снова был подавлен. Он открыл рот, но фраза «ему вообще ничего не» не успела вылететь, как была отбита настороженными медработниками.

На мгновение уши Е Вэньланя наполнились звуками обвинений, он был почти не в состоянии оправдаться, и вскоре мелкий пот на голове превратился в крупные капли.

Цзи Силу почувствовал, что время пришло, театрально приложил руку ко лбу, перевёл взгляд на книгу на полу и тихонько всхлипнул, вытирая уголок глаза, в котором вообще не было слёз.

— Я правда в порядке, просто книга доктора Мэна... это моя вина, я не убрал книгу как следует.

Доктор Мэн смутно догадался, что хочет сделать Цзи Силу, и с двусмысленным взглядом посмотрел на него несколько секунд. Думая о том, что это всё-таки его ученик, а также о том, что неплохо, если кто-то испытает на себе то, что случилось с ним в прошлом, он заколебался, но решил поддержать Цзи Силу.

— Это всего лишь книга, тебе не стоит принимать это близко к сердцу. Кроме того, это и не твоя вина.

Глаза Цзи Силу слегка покраснели:

— Но это же бумажное коллекционное издание.

Все посмотрели на ту книгу и один за другим сказали:

— Это точно не дело господина Цзи, тебе не стоит винить себя! Даже если нужно компенсировать, то пусть платит Е Вэньлань!

Бумажные книги действительно были очень дорогими, каналов покупки было мало, и если они повреждены, а компенсации нет — это не проходит. Но тот, кто совершил ошибку, это Е Вэньлань, как можно позволить господину Цзи платить?

Все быстро переключили обвиняющие взгляды на Е Вэньланя, а несколько заведующих отделениями и в глазах написали «осознай сам».

Е Вэньлань чуть не задохнулся, он был так зол, что у него перед глазами потемнело. Больше не заботясь о том, что все на него смотрят, он в гневе указал пальцем на Цзи Силу, потом на себя:

— Ты! Я! Я!

Цзи Силу с полным невинным видом посмотрел на медработников вокруг:

— Что с ним? Ему плохо?

Один заведующий врач холодно окинул его взглядом, мысленно хмыкнул, но вслух сказал:

— С ним всё в порядке, он просто знает, что ошибся, и ему стыдно.

Цзи Силу с лицемерным видом сделал вид, что внезапно понял:

— Осознать ошибку и исправить — это большое благо.

Е Вэньлань готов был провалиться сквозь землю: заставляя камень плавать, а дерево тонуть, переворачивать чёрное и белое — Цзи Силу, бесстыдство!

Цзи Силу не старался скрыть факт, что обладает огромной силой, но из-за болезни он не мог постоянно демонстрировать её окружающим. Поэтому в глазах абсолютного большинства медперсонала он был просто слабым и жалким человеком. И хотя в его речи иногда проскальзывали нотки «белого лотоса», это не портило факта того, что его характер был достаточно хорош.

Е Вэньланя, которого насильно заставили испытать «стыд», так и подрывало от ярости, но остальные считали, что Цзи Силу ни в чём не виноват, и в один голос поддержали их слова.

— Как бы то ни было, Е Вэньлань — медицинский работник. При устройстве на работу он проходил обучение. Осознание совершённой ошибки, конечно, вызывает чувство стыда.

— Да, да, признать ошибку и исправить её — это хорошо, мы все рады.

— Ой, Е Вэньлань, не волнуйся так сильно, мы знаем, что ты справишься. Правильно, ребята?

— По правде говоря, признать ошибку — это хорошо, но одних слов недостаточно? Бумажное коллекционное издание стоит дорого, разве не стоит обсудить компенсацию?

— Дело не в этом, главное — он даже словесно ещё не извинился!

Это слово словно разбудило мечтателей, все быстро вспомнили, что хотя отношение Е Вэньланя изменилось по сравнению с началом, он так и не извинился перед Цзи Силу. Взгляды на него снова стали странными.

Е Вэньлань, который и так был зол до боли в сердце, печени и лёгких, внезапно почувствовал, что атмосфера вокруг стала гнетущей. Мышцы его лица напряглись. Он с тревогой посмотрел на нескольких заведующих и заметил, что их лица стали одинаково строгими, а взгляды — острыми. В этот момент он ненавидел Цзи Силу до зубного скрежета. Но при всех он не мог снова сорваться на Цзи Силу. Он упёрся, тяжело дыша, и с трудом сдерживался.

Физическое недомогание заставило его сердце биться часто, а тело дрожать. В голове промелькнули причина и следствие произошедшего, и вдруг он почувствовал страх перед Цзи Силу.

Как бы он сейчас ни объяснял, другие ему не поверят. В этом смысле Цзи Силу действительно был способным человеком.

В то же время его переполняли сомнения.

Заставлять камень плавать, а дерево тонуть, переворачивать чёрное и белое, запугивать и подкупать... Разве цветок повилики способен на такое?

Он хорошо помнил, что и его Шэнь-гэ, и Ван Цянь под разными углами говорили, что Цзи Силу подобен повилике: у него нет собственного «я», он всё время знает только, как виться вокруг Шэнь-гэ. Раньше Цзи Силу почти не выходил из дома, и он безоговорочно верил их словам. Но сегодня он чувствовал, что этот человек совершенно не тот, о котором рассказывал Шэнь-гэ.

Неужели Цзи Силу так хорошо маскируется, или же кто-то помогает ему за кулисами?

Е Вэньлань не мог понять, и смутное предчувствие заставляло его бояться догадываться до конца.

Он набрался смелости и переключил мысли: сегодня он действительно ошибся и чуть не стал тем человеком, которого ненавидит больше всего.

Он не хотел стать таким подлецом, поэтому признавал свои ошибки.

Е Вэньлань повернулся и, опустив голову, поклонился Цзи Силу:

— Прости меня, я не должен был говорить тебе такие гадости.

Затем он поклонился присутствующим заведующим:

— Я уже осознал свою ошибку. Я врач, я должен соблюдать врачебную этику, я обещаю, что больше никогда не совершу подобных проступков.

Это извинение было искренним. Цзи Силу мысленно приподнял бровь, подумав, что у этого друга Шэнь Чэнъе ещё есть шанс спастись, и «великодушно» простил его.

— Ничего страшного, я знаю, что ты меня неправильно понял. — Цзи Силу напомнил, не слишком давя, — Полагаю, после того, что случилось, ты уже понял, что слухам верить нельзя. Некоторые люди, чтобы приукрасить себя, готовы соврать о чём угодно, не стыдясь.

Е Вэньлань растерянно выпрямился:

— Что?

Доктор Мэн ничего не знал о делах Шэнь Чэнъе и подумал, что Цзи Силу имеет в виду слухи, ходящие по Третьей больнице, и с одобрением кивнул.

— Е Вэньлань, ты взрослый человек и работаешь уже какое-то время. Тебе следует иметь своё суждение. Что правда, а что ложь — ты должен научиться разбираться сам.

Е Вэньлань совсем опешил:

— Что?

Погодите, почему вдруг речь об этом?

Неужели доктор Мэн уже знает о делах его Шэнь-гэ и Цзи Силу?

Вспомнив об отношениях ученика и учителя между Цзи Силу и доктором Мэном, а также о семье доктора, Е Вэньлань вдруг засомневался: не знает ли доктор Мэн какую-то внутреннюю информацию?

Он машинально посмотрел на Цзи Силу, но, увидев всё то же изображение «бледной красавицы», его глаза «заболело», и он тут же отвёл взгляд.

Ему не стоило сомневаться в Шэнь-гэ. Неважно, похож ли Цзи Силу на повилику или нет, одного его behaviour капризного нытика достаточно, чтобы Шэнь-гэ его ненавидел!

Не спрашивайте, почему Шэнь-гэ раньше приглянулся этому истерику. Либо он внезапно ослеп, либо Цзи Силу использовал какие-то методы!

Сдерживая злость, Е Вэньлань мрачно пообещал доктору Мэну, что обязательно хорошо пересмотрит своё поведение и больше не будет повторять чужие слова.

Услышав это, несколько заведующих расслабились, а в их глазах появилось облегчение.

— Если осознал ошибку, обязательно исправь её.

— Ты ещё молод, впереди долгий путь. Если у тебя сформируется характер, которому плевать на правила, ты погубишь себя.

— Ошибки в принципах нельзя совершать никогда, надеюсь, ты запомнишь это.

В груди Е Вэньлани скопилась ещё большая тяжесть, но он ничего не мог возразить, кроме как поблагодарить всех за наставления.

<http://bllate.org/book/16870/1554751>